

1

Мое первое воспоминание — я сижу под столом. Вокруг меня ноги людей вперемежку с ножками стола, бахрома свисающей скатерти. Темно, и мне нравится сидеть под столом. Это было в Германии в 1922 году, мне тогда шел второй год. Под столом я себя чувствовал превосходно. Казалось, никто не знает, где я нахожусь. Я наблюдал за солнечным лучиком, который странствовал по половику и ногам людей. Мне нравился этот «странник». Ноги людей были малоинтересны, по крайней мере, не так, как свисающая скатерть, или ножки стола, или солнечный лучик.

Потом провал... и рождественская елка. Свечи. На ветках маленькие птички с крохотными ягодными веточками в клювиках, на макушке — звезда. Двое взрослых орут и дерутся, потом садятся и едят, всегда эти взрослые едят. И я ем тоже. Моя ложка устроена таким образом, что если я хочу есть, то мне приходится поднимать ее правой рукой. Как только я пробую орудовать левой, ложка проскакивает мимо рта. Но мне все равно хочется поднимать ложку левой.

Двое взрослых: один, что покрупнее, — с вьющимися волосами, большим носом, огромным ртом и густыми бровями; он всегда выглядел сердитым и часто кричал; другая, что помельче, — тихая, с круглым бледным

лицом и большими глазами. Я боялся обоих. Иногда появлялась и третья — жирная старуха в платье с кружевным воротником. Еще помню огромную брошь на ее груди и множество волосатых бородавок на лице. Первые двое звали ее Эмили. Собравшись втроем, они плохо ладили. Эмили — моя бабушка по линии отца. Отца звали Генри, мать — Катарина. Я никогда не обращался к ним по имени. Я был Генри-младший. Все эти люди говорили на немецком, то же пытался делать и я.

Первые слова, которые я помню, были слова моей бабушки, произнесенные за обеденным столом. «Я всех вас похороню!» — заявила она, перед тем как мы взяли свои ложки. Эмили неизменно повторяла эту фразу, когда семья садилась за стол. Вообще, казалось, что нет ничего важнее еды. По воскресным дням мы ели картофельное пюре с мясной подливкой. По будням — ростбиф, колбасу, кислую капусту, зеленый горошек, ревен, морковь, шпинат, бобы, курятину, фрикадельки со спагетти, иногда вперемешку с равиоли; еще были вареный лук, спаржа и каждое воскресенье — земляника с ванильным мороженым. За завтраком мы поглощали французские гренки с сосисками либо лепешки или вафли с беконом и омлетом. И всегда кофе. Но что я помню лучше всего, так это картофельное пюре с мясной подливкой и бабушку Эмили со своим «Я всех вас похороню!».

После того как мы перебрались в Америку, бабушка часто приходила к нам в гости, добираясь из Пасадены в Лос-Анджелес на красном трамвае. Мы же изредка навещали ее на своем «Форде».

Мне нравился бабушкин дом. Маленькое строение в тени перечных зарослей. Эмили держала множество канареек в разновеликих клетках. Один наш визит я помню особенно хорошо. В тот вечер бабушка накрыла все свои клетки белыми капотами, чтобы птицы заткнулись. Взрослые уселись в кресла и повели разговор. В комнате было пианино, я примостился у инструмента и, ударяя

по клавишам, вслушивался в раздающиеся звуки. Больше всего мне нравились крайние клавиши верхнего регистра — их звуки походили на удары кусочков льда друг о друга.

— Скоро ты прекратишь это? — рявкнул отец.

— Пусть мальчик поиграет, — заступилась бабушка.

Моя мать лишь улыбнулась.

— Этот карапуз, — поведала всем бабушка, — когда я попыталась вытянуть его из кровати, чтобы поцеловать, ударил меня по носу!

Они снова заговорили о своем, а я продолжил играть на пианино.

— Почему ты не настроишь инструмент? — нервничал отец.

Потом меня позвали навестить моего дедушку. Он не жил с бабушкой. Мне говорили, что дедушка плохой человек и от него дурно пахнет.

— Почему от него дурно пахнет?

Они не отвечали.

— Почему от него дурно пахнет?

— Он пьет.

Мы загрузились в «1» и отправились навестить дедушку Леонарда. Когда машина подъехала к его дому и остановилась, хозяин уже стоял на крыльце. Он был стар, но держался очень прямо. В Германии дедушка был армейским офицером и подался в Америку, когда прослышал, что даже улицы там мощены золотом. Золота не оказалось, и Леонард стал главой строительной фирмы.

Никто не выходил из машины. Дедушка подал мне знак движением пальца. Кто-то открыл дверь, я выбрался из машины и пошел к старику. Его волосы и борода были совершенно белыми и слишком длинными. По мере приближения я мог видеть, что глаза его необыкновенно сверкают, как голубые молнии. Я остановился в небольшом отдалении от старика.

— Генри, — проговорил дедушка, — мы хорошо знаем друг друга. Заходи в дом.

Он протянул мне руку. Когда я подошел ближе, то уловил крепкий дух его дыхания. Запах действительно был дурным, но он исходил от самого хорошего человека, которого я знал, и поэтому не пугал меня.

Я проследовал за ним в дом. Дедушка подвел меня к стулу.

— Садись. Я очень рад видеть тебя, — сказал он и ушел в другую комнату.

Когда дедушка возвратился, в руках у него была маленькая жестяная коробочка.

— Это тебе. Открой.

Я никак не мог справиться с крышкой, коробочка не открывалась.

— Подожди, — вмешался дедушка, — дай-ка я тебе помогу.

Он ослабил крышку и протянул коробочку мне обратно. Я откинул крышку и заглянул внутрь: там лежал крест — Германский крест на ленточке.

— Ой, нет, — сказал я, — ты же хранишь его.

— Бери, это всего лишь окислившийся значок.

— Спасибо.

— Теперь тебе лучше идти. Иначе они будут волноваться.

— Ладно. До свидания.

— До свидания, Генри. Нет, подожди-ка...

Я остановился. Он запустил пальцы в маленький кармашек своих широких брюк, вытянул за длинную золотую цепочку золотые карманные часы и протянул их мне.

— Спасибо, дедушка...

Все ждали меня, не покидая машины. Я вышел из дома, занял свое место в «Форде», и мы тронулись в обратный путь. Всю дорогу бабушка и родители без умолку болтали о разных вещах. Эти люди могли триндеть о чем угодно, но никогда не говорили о моем дедушке.

Помню наш «Форд» — «модель Т». Высокие подножки казались приветливыми и в холодные дни, и ранним утром, и в любое время. Чтобы завести автомобиль, отец должен был вставлять спереди в двигатель рукоять и довольно долго крутить ее.

— Так можно и руку сломать. Отдача, будто лошадь лягается.

По воскресеньям, когда бабушка не приезжала к нам, мы совершали на «модели Т» прогулки. Мои родители любили апельсиновые рощи. Мили за милями тянулись деревья, покрытые цветами либо усеянные плодами. Родители заготавливали для пикника корзинку и металлический ящик. В ящик, среди кусков сухого льда, помещали банки с разными фруктами, в корзинку упаковывали сэндвичи со шницелем, ливерной колбасой и салами, а еще картофельные чипсы, бананы и содовую. Напиток постоянно попадал между корзинкой и ящиком-холодильником, он быстро остывал, и потом приходилось ждать, пока солнце его согреет.

Отец курил сигареты «Кэмел» и мог показать нам кучу игр и фокусов с пачкой от этих сигарет. Например, сколько пирамид изображено на рисунке? Нужно было сосчитать их. Мы считали, а после он показывал гораздо больше, чем нам удалось обнаружить.

Были еще трюки с горбами верблюдов и с написанными словами. О, это были волшебные сигареты!

Особенно врезалось в память одно воскресенье. Наша корзинка для пикников была уже пуста, но, несмотря на это, мы ехали вдоль апельсиновых рощ все дальше и дальше от нашего дома.

— Папочка, а у нас хватит бензина? — поинтересовалась мать.

— Хватит, хоть залейся этим чертовым бензином.

— А куда мы едем?

— Хочу набрать себе немного апельсинов, черт бы их побрал!

Остаток пути мать просидела очень тихо. Наконец отец съехал на обочину и остановился неподалеку от проволочного ограждения. Некоторое время мы сидели в машине и прислушивались. Потом отец открыл дверцу и вышел.

— Принеси корзину, — подал он голос.

Все вместе мы перебрались через сетку ограждения.

— Идите за мной, — скомандовал отец.

Мы оказались в темном тоннеле между двумя стройными рядами ветвистых апельсиновых деревьев. Отец остановился и принялся срывать апельсины с нижних ветвей ближайшего дерева. Вид у него был очень свирепый, он яростно сдирал апельсины, и казалось, что ободранные ветви сердятся ему в ответ, злобно раскачиваясь и шурша листвой. Отец бросал плоды в корзинку, которую держала мама. Иногда он промахивался, и тогда я подбирал непокорный апельсин и опускал его в корзину. Отец переходил от дерева к дереву, опустошая нижние ветви.

— Достаточно, папочка, — сказала мать.

— Э-э, какого черта?! — огрызнулся отец и продолжил сбор.

И тут из-за дерева вышел высоченный мужчина. В руках у него было ружье.

— Так, приятель, чем это ты тут занимаешься?

— Собираю апельсины. Их здесь полно.

— Это мои апельсины. Скажи своей женщине, чтобы она вывалила все из корзины на землю.

— Да этих апельсинов тут хоть жопой жри. Не обидеешь, если я возьму несколько.

— Ты не возьмешь ни одного. Скажи, пусть вываливает.

Мужчина направил ружье на отца.

— Вывали, — сказал отец матери.

Апельсины покатались по земле.

— А теперь, — продолжил мужчина, — убирайтесь из моего сада.

— Куда тебе столько, все равно все не съешь?

— Я сам знаю, куда и сколько. Убирайся отсюда.

— Таких, как ты, надо вешать!

— Я владелец, и закон на моей стороне. Проваливай! — И он снова вскинул ружье.

Отец повернулся и пошел, мы потянулись за ним. Владелец роши конвоировал нас до самой дороги. Наконец мы загрузились в машину, но это был именно тот случай, когда она не завелась. Отец взял ручной стартер и вышел. Он дважды провернул маховик, но двигатель не реагировал. Отец покрылся испариной. Мужчина стоял у дороги и наблюдал.

— Ну давай, заводи свою консервную банку! — неожиданно выкрикнул он.

Отец, который приготовился было крутануть снова, отвлекся:

— Мы не на твоей территории! И можем стоять столько, сколько пожелаем, черт возьми!

— Разбежался! Убирай отсюда свою колымагу, да побыстрее!

Отец прокрутил ручку, двигатель взревел, но тут же заглох. Мать молча сидела с пустой корзинкой на коленях. Я боялся даже смотреть на человека с ружьем. Отец снова налег на рукоятку, и машина завелась. Он впрыгнул в машину и принялся работать рычагами на руле.

— Не появляйся здесь больше, — напутствовал собственник с ружьем. — В следующий раз так легко не отделаешься.

Отец резко взял с места. Хозяин апельсиновой роши продолжал стоять у дороги и наблюдал. «Форд» быстро набирал скорость. Неожиданно отец затормозил, выполнил крутой поворот на 180 градусов и помчался к тому месту, где остался грозный враг. Но мужчины у до-

роги уже не было. И мы вновь понеслись прочь от апельсиновой рощи.

— Однажды я вернусь и прикончу эту тварь, — пообещал отец.

— Папочка, я сегодня приготовлю замечательный ужин. Что бы ты хотел? — спросила его мать.

— Свиную отбивную!

Никогда раньше я не видел, чтобы отец ездил так быстро.

3

У моего отца было два брата. Младшего звали Бен, старшего — Джон. Оба алкоголики и тунеядцы. Мои родители частенько говорили о них.

— И тот и другой полные ничтожества, — твердил отец.

— Просто вы вышли из трудной семьи, папочка, — возражала мать.

— Твой братец тоже пустышка!

Брат моей матери жил в Германии. Отец поносил его не реже родных братьев.

Был у меня еще дядя Джек — муж сестры отца, которую звали Элеонора. Я никогда их не видел, потому что отец разругался с ними.

— Видишь этот шрам у меня на руке? — спрашивал меня отец. — Это сделала Элеонора карандашом, когда я был еще совсем маленьким. Он уже никогда не зарастет.

Людей мой отец не любил. Не любил и меня.

— Детей должно быть видно, но не слышно, — говорил он мне.

Был воскресный полдень, и бабушка Эмили не приехала.

— Мы должны навестить Бена, — сказала моя мать. — Он умирает.

— Он постоянно занимал у Эмили деньги и просерал их в карты или тратил на своих баб и выпивку.

— Я знаю, папочка.

— Теперь он сдохнет, и Эмили останется без гроша.

— И все же мы должны навестить Бена. Врачи сказали, что ему осталось недели две.

— Ну хорошо, хорошо! Мы поедем!

Мы загрузились в «Форд» и поехали. Отец сделал остановку возле рынка, и мать купила цветы. Путь наш лежал в горы. Когда достигли подножья, отец свернул на маленькую извилистую дорогу, ведущую наверх. Дядя Бен лежал в санатории для больных туберкулезом.

— Должно быть, это стоит Эмили кучу денег — содержать Бена в таком месте, — сказал отец.

— Может, Леонард помогает? — предположила мать.

— Леонард нищий. Он все пропил и промотал.

— А мне нравится дедушка Леонард, — сказал я.

— Детей должно быть видно, но не слышно! — гаркнул отец и продолжил: — Этот Леонард был добр со своими детьми, только когда надирался. Вот тогда он и шутил с нами, и раздавал деньги. Но когда папочка был трезв, не было в мире человека жаднее и подлее его.

«Форд» легко взбирался по горной дороге. Воздух был свеж и прозрачен.

— Приехали, — сказал отец, выруливая на стоянку возле санатория.

Мы все вышли, и я вслед за родителями забежал в здание. Когда мы вошли в палату, дядя Бен сидел на кровати и смотрел в окно. Он повернулся. Это был очень красивый мужчина: худощавый, черноволосый, с темными глазами, которые блестели, словно бриллианты на свету.

— Здравствуй, Бен, — сказала мать.

— Здравствуй, Кейти, — отозвался дядя и посмотрел на меня. — Это Генри?

— Да.

— Садитесь.